

6) МОГИЛЕВЪ.

Могилевъ, построенный на высокомъ берегу Днѣпра, среди садовъ и лѣсистыхъ окрестностей, имѣетъ очень живописный видъ, а многіе храмы и лучшія зданія, сгруппированные на берегу рѣки, придаютъ ему еще видъ красиваго и благоустроеннаго города. Особенно украшаютъ Могилевъ православные храмы, которыхъ насчитываютъ въ настоящее время 29. Изъ нихъ со стороны Московскаго предмѣстья прежде всего виднѣется Спасо-Преображенская церковь, которая въ глубокой древности была построена въ видѣ маленькой деревянной часовни; но истребленная пожаромъ въ 1708 году, она была вновь построена Георгіемъ Конисскимъ. Въ низинѣ, между высокимъ берегомъ и рѣкою стоитъ шестиглавая Никольская церковь, которую построилъ помѣщикъ Маковецкій. При этой церкви былъ основанъ женскій монастырь, смѣненный впоследствии мужскимъ, который въ свою очередь былъ упраздненъ въ половинѣ XVIII вѣка. На Московскомъ предмѣстьи, среди маленькихъ, заурядныхъ домиковъ возвышаются двѣ церкви: Петро-Павловская и Троицкая. Ниже Днѣпровскаго Подъема, на Школьной улицѣ, у паровой пристани, находится Вознесенско-Покровская церковь. На одной изъ лучшихъ улицъ—Днѣпровскомъ проспектѣ—возвышаются Богоявленскій Братскій монастырь съ церковью и Воскресенская церковь. Богоявленская церковь, въ смѣшанномъ италянскомъ стилѣ XVI вѣка, была основана въ 1620 году на землѣ, пожертвованной княземъ Огинскимъ. За Муравьевскимъ садомъ,

по тому же Днѣпровскому проспекту находится соборъ во имя Іосифа Обручника, заложенный собственно-ручно Екатериною II и Іосифомъ II въ память знаменитаго свиданія ихъ въ Могилевѣ. Храмъ этотъ чистой классической архитектуры славится живописью извѣстнаго художника Боровиковскаго. Костеловъ въ Могилевѣ только 3. Изъ нихъ одинъ во имя Успенія Пресвятой Богородицы былъ построенъ могилевскими мѣщанами изъ разобранныхъ кирпичей своихъ домовъ по приказанію Виленскаго канцлера Салъги. Другой костель Фара построенъ въ 1604 году іезуитами. Третій костель деревянный, кладбищенскій.

Могилевъ не принадлежитъ къ числу самыхъ древнихъ городовъ Западной Россіи. По словамъ польскихъ лѣтописцевъ, онъ основанъ былъ сыномъ Даніила Галицкаго Львомъ въ 1267 году, въ историческихъ же актахъ имя этого города встрѣчается только въ XIV вѣкѣ. Съ самаго начала своего существованія Могилевъ со всѣмъ своимъ краемъ подпалъ подъ владычество Литвы, но при первыхъ князьяхъ Литовскихъ русской общественной строй и православная вѣра продолжали процвѣтать въ Могилевѣ попрежнему. Литовцы не только не притѣсняли русскихъ, но скоро и сами начали подчиняться вліянію русской образованности, принимать православную вѣру и совершенно слились бы съ русскими. Но это вполнѣ правильное теченіе литовской исторіи прервано было въ концѣ XIV вѣка, когда великій князь Литовскій Ягайло, женившись на польской королевѣ Ядвига, соединилъ Литву съ Польшей. Съ этого времени Литва подчинилась уже вліянію польской политики и католическаго фанатизма. Великій князь Литовскій Витовтъ нѣсколько ослабилъ это вліяніе, но при его преемникахъ оно опять начало усиливаться. Въ 1569 году, когда произошло полное сліяніе Литвы съ Польшей (Люблинская унія), въ Литвѣ и во всей западной Руси появляются іезуиты, самые опасные враги православія; они придумали церковную унію (1595 г.) и явно стали стремиться къ полному уничтоженію православной вѣры во всемъ княжествѣ Литовскомъ. Съ этого то времени и начинается печальная судьба могилевцевъ, подвергавшихся, въ теченіе цѣлыхъ столѣтій, всевозможнымъ гоненіямъ. Но трудно было іезуитамъ утвердиться въ Могилевѣ и подчинить его своей власти; городъ этотъ сдѣлался даже передовымъ бойцамъ за православіе, благодаря тѣмъ значительнымъ средствамъ, которыми онъ располагалъ.

Еще въ 1514 году уставная грамота о королевскихъ доходахъ показываетъ, что Могилевъ былъ однимъ изъ значительнѣйшихъ королевскихъ городовъ, значеніе котораго увеличивается съ полученіемъ, сначала малаго, а потомъ въ 1577 г. большого магдебургскаго права. Изъ разныхъ грамотъ и привилегій, данныхъ Могилеву, видно, что въ немъ существовало 16 промышленныхъ цеховъ и въ первой половинѣ XVII вѣка Могилевъ велъ торговлю съ городами Польши, Литовскаго и Русскаго государствъ. На варшавскомъ сеймѣ въ 1668 году униатскій архіепископъ Жоховскій сравнилъ Могилевъ по богатству съ древнимъ Тиромъ, при этомъ онъ выразилъ сожалѣніе, что Могилевъ считается столицей схизмы. Дѣйствительно, могилевцы весьма энергично отстаивали православіе, переступая иногда предѣлы своихъ правъ, о чемъ имъ напоминаетъ Сигизмундъ III грамотою 1601 года. Въ этой грамотѣ могилевцы обвиняются въ устройствѣ братства вопреки позволенію короля и безъ благословенія владыки полоцкаго Гедеопа, при чемъ король требуетъ къ себѣ зачинщиковъ, повелѣвая разъяснить, почему открыли братство, прикрывая его названіемъ школы. Однако, въ слѣдующемъ 1602 году, тотъ же Сигизмундъ даетъ привилегію Могилеву на учрежденіе братства духовнаго, члены котораго обязаны вносить въ братскую кассу деньги на содержаніе православнаго духовенства, а также на содержаніе школъ и учителей при нихъ. Важность этой привилегіи поняли могилевскіе латыняне и, руководимые іезуитами, въ 1604 году отвѣтили на вызовъ православныхъ возведеніемъ фарнаго костела. Православные могилевцы продолжаютъ дѣйствовать еще смѣлѣе и въ 1618 году они учинили рѣшительное сопротивленіе латинской пропагандѣ возстаніемъ противъ Юсафата Кунцевича, желавшаго ввести унию въ Могилевѣ. По поводу этого дѣла въ судебномъ приговорѣ короля Сигизмунда III между прочимъ говорится: „Богомольца нашего, Преосвященнаго Юсафата Кунцевича, когда онъ въ 1618 году, октября 9-го, подѣхалъ къ самому Могилеву, задержали заперли передъ нимъ городскія ворота, выставили противъ него на башняхъ и на валу пушки и пищали и сами вышли на валы съ мушкетами, пиками и разными воинскими доспѣхами . . . крича, чтобы архіепископъ не приближался къ городу, угрожая стрѣлять въ него и убить его, называя его не владыкою, но отступникомъ, отщепенцемъ . . . а на увѣщательномъ посланіи воеводы трокскаго написали: мы не для того построили

столько церквей, чтобы насъ водили на веревкахъ къ службѣ Божіей“. Далѣе въ этомъ приговорѣ говорится, что могилевцы чинили и чинятъ много такого, что заслуживаетъ смертной казни. Комиссары, посланные для разслѣдованія дѣла, замяли его, такъ какъ Кунцевичу нужны были только монастыри съ имуществами и православныя церкви, что онъ и получилъ, ибо, за отказъ могилевцевъ принять унію, всѣ городскія церкви были запечатаны печатью архіепископа. Спасскій монастырь даже отданъ былъ уніатамъ для богослуженія. Объ этомъ тяжкомъ для могилевцевъ времени игуменъ Орестъ въ своихъ запискахъ говоритъ слѣдующее: „Въ то время могилевскіе мѣщане, не имѣя ни одной церкви православной, принуждены были въ праздничные дни собираться на молитву въ состроенные за городомъ изъ плетня шалаша, но и въ оныхъ католики не позволяли собираться и разгоняли собиравшійся народъ. Тогда запрещено было священникамъ христіанскія требы исправлять, дѣтей крестить, больныхъ напутствовать, мертвыхъ погребать и браки совершать . . . Въ сіе время въ Могилевѣ случилось, что когда крестовоздвиженской церкви священникъ Захарій Заря, въ день Пасхи, за виленскими воротами, на выгонѣ, въ плетневомъ шалашѣ, совершалъ литургію, то, во время причащенія народа, отрядъ жолнеровъ, нападши, народъ, бывшій въ шалашѣ, разогнали, а священника, схватя, неизвѣстно куда завезли, или убили“ (Ар. сборн. док. т. II). Но православные могилевцы крѣпко стояли за вѣру своихъ отцовъ и постоянно получали поддержку не только словомъ, но и дѣломъ. Борьба за православіе стала теперь дѣломъ общимъ и вызвала общія дѣйствія всего духовенства и братствъ; они рѣшились возстать какъ одинъ человекъ противъ врага всей западной Руси—поляковъ и склонили малороссійскихъ казаковъ встать борцами за родную имъ православную вѣру. Въ это время гетманомъ былъ Сагайдачный, при содѣйствіи котораго возстановлена была западно-русская церковная іерархія и поставлены были во всѣ епархіи православные епископы на мѣста умершихъ или сокротившихся въ унію (1620). Польское правительство, опасаясь возстанія казаковъ, должно было уступить и въ 1632 г. вновь учредило въ Могилевѣ православную епископскую кафедру, а въ 1634 г. всѣ православныя церкви въ Могилевѣ были открыты и отданы въ вѣдѣніе православнаго епископа.

Не смотря однако на нѣкоторыя уступки со стороны польскаго правительства въ пользу православныхъ, шляхта и іезуиты

этихъ уступокъ нисколько не признавали и продолжали еще усиливать угнетеніе русской народности. Тогда казаки, отстаивая свою вѣру и народность, подняли, подъ начальствомъ Богдана Хмельницкаго, возстаніе противъ поляковъ, къ которому присоединился весь южно-русскій народъ. Возстаніе это скоро приняло весьма большіе размѣры и привело къ воссоединенію Малой Россіи съ Московскимъ государствомъ. (1654 г.) Сѣверо-западная Россія осталась за Польшей и сдѣлалась театромъ военныхъ дѣйствій между русскими и поляками за обладаніе Малороссіей. „Въ тѣ старыя времена, говоритъ М. О. Кояловичъ, война была несравненно бѣдственнѣе, чѣмъ теперь. Тогда отъ нея часто одинаково страдали какъ тѣ, которые воевали, такъ и тѣ, которыхъ защищали“. Понятно, поэтому, что Могилевъ, какъ и весь Могилевскій край, неоднократно подвергался разореніямъ какъ со стороны русскихъ, такъ и со стороны поляковъ. Сначала Могилевъ добровольно присягнулъ на вѣрность Московскому царю Алексѣю Михайловичу и сохранилъ всѣ свои привилегіи. Въ 1655 году Алексѣй Михайловичъ лично посѣтилъ этотъ городъ и опять подтвердилъ могилевцамъ всѣ права и привилегіи, данныя имъ польскими королями. Но не смотря на это, въ Могилевѣ была партія, сочувствовавшая больше полякамъ, чѣмъ русскимъ, и когда русское войско было разбито на рѣкѣ Басѣ Сапѣгой, партія эта взяла перевѣсъ: 1 февраля 1661 года она возстала противъ Московскаго царя подъ начальствомъ бургомистра Леоновича и вырѣзала русскій гарнизонъ. Поляки щедро наградили за это могилевцевъ. Леоновичъ получилъ дворянское достоинство, а мѣщане—право пріобрѣтать помѣстья, отчего многіе мѣщане сдѣлались помѣщиками и вошли въ составъ шляхты. Городъ Могилевъ получилъ печать съ изображеніемъ трехъ башенъ и всадника, а въ привилегіяхъ сравненъ съ Вильною. Въ 1666 году русскіе пытались овладѣть Могилевомъ опять, но попытка ихъ была неудачна, и Могилевъ остался за Польшею. Эта неудача русскаго оружія дала возможность католикамъ возобновить преслѣдованія православныхъ могилевцевъ. Такъ, въ 1678 году въ Могилевъ призваны были іезуиты, которые въ лучшей части города построили каменный костелъ и каменные кельи. Скоро затѣмъ іезуиты приступили къ совращенію православныхъ въ унію, но своими дѣйствіями они такъ раздражали православныхъ могилевцевъ, которые еще крѣпко держались своей вѣры,

что вызвали слѣдующее столкновение. Когда по требованію іезуитовъ, виленскій канцлеръ Сапѣга приказалъ разрушить одну православную церковь, находящуюся близъ Могилева, подъ предлогомъ ея ветхости, могилевскіе мѣщане напали на помѣщика Зеньковича, жестокаго гонителя православія, убили его и бросили въ Днѣпръ. За это они присуждены были построить изъ кирпичей разобранныхъ домовъ своихъ и своими руками каменный костель для кармелитовъ.

Въ 1698 году скончался Янъ Сабѣскій, и въ Польшѣ началась борьба партій по поводу избранія новаго короля. Могилевъ въ это смутное время былъ занятъ партизанами великаго литовскаго подскарбія Сапѣги, а отъ Сапѣговъ достался Замойскому. Когда же королемъ польскимъ былъ избранъ герцогъ Саксонскій Августъ II, то онъ отдалъ Могилевъ саксонскому генералу де-Бевету. Сначала могилевцы жили въ мирѣ съ пришельцами, но весною, когда саксонцы, расположившись лагеремъ на берегу Днѣпра, вытравляли луга и опустошали посѣвы, могилевцы начали ссоры и драки. Раздраженный де-Беветь потребовалъ отъ города сто тысячъ тынфовъ (тынфъ 60 коп.). Получивъ деньги, саксонцы ушли изъ города Могилева, который былъ сданъ въ аренду двумъ нѣмцамъ за одолженные ими Августу II нѣсколько милліоновъ, а сборщиками податей стали евреи.

Между тѣмъ, Польшѣ была объявлена война шведскимъ королемъ Карломъ XII. Павелъ Сапѣга, воевода виленскій, принялъ сторону шведовъ, а такъ какъ его помѣстья находились въ нынѣшней Могилевской губ., то городъ Могилевъ подвергся всѣмъ ужасамъ войны. Разоряемый своими и чужими войсками, вслѣдствіе частыхъ реквизицій, Могилевъ быстро падалъ, а городская казна совершенно опустѣла.

Въ 1704 году былъ заключенъ союзъ Россіи съ Рѣчьею Посполитой для борьбы противъ общаго врага Карла XII, и русскія войска двинуты были сначала на Гродну, а потомъ къ Могилеву. Царь Петръ Алексѣевичъ самъ сопровождалъ свои войска. Игумень Орестъ описываетъ прибытіе царя въ Могилевъ, жители котораго встрѣтили Петра Алексѣевича съ подобающею честью. „Когда государь вѣхалъ въ браму Олейную, говоритъ Орестъ, пальба была изъ пушекъ, при ратушѣ стоявшихъ, то таковою пальбою государь будучи доволенъ сказалъ: право изрядно. Когда

магистратскіе чиновники, стоя съ хлѣбомъ, учинили государю поклонъ и поднесли пирогъ и хлѣбъ на полмискахъ серебряныхъ позолоченныхъ, государь ласково принялъ. Тогда же и евреи могилевскіе пришли съ хлѣбомъ и живаго осетра въ чанѣ принесли, но государь на нихъ и не взглянулъ, только хлѣбъ отъ нихъ велѣлъ принять“.

Между тѣмъ, король польскій Августъ II измѣнилъ своему союзнику Петру и заключилъ миръ съ Карломъ XII. Послѣ этого шведскій король вторгся въ Литву, занялъ Вильну, Гродну и двинулся къ предѣламъ Россіи. Русскіе генералы хотѣли дать отпоръ непріятелю при переправѣ его черезъ Березину у города Борисова, но Карлъ XII обманулъ русскихъ и переправился черезъ эту рѣку въ другомъ мѣстѣ. Разбивъ затѣмъ дивизію Репнина, Карлъ принудилъ русскихъ отступить на лѣвый берегъ Днѣпра, а самъ вступилъ въ Могилевъ. По повелѣнію шведскаго короля, этотъ городъ былъ обложенъ реквизиціей по 12500 фунтовъ хлѣба и 960 гарнцевъ пива ежедневно отъ cadaго изъ 15 кварталовъ города. Черезъ недѣлю припасы изсякли, и шведскій король прибѣгъ къ крайне несправедливой мѣрѣ, обложивъ городъ огромной контрибуціей. Разоренные могилевцы не могли выполнить требованія, и Карлъ XII приказалъ грабить церкви. Игумень Орестъ говоритъ, что изъ церквей было взято 9 пудовъ серебра, изъ котораго чеканили шведскую монету. Черезъ пять недѣль шведы покинули Могилевъ, но бѣдствія его жителей не окончились. Наблюдательный русскій отрядъ, состоящій изъ татаръ и калмыковъ, пользуясь, по выходѣ шведовъ, беззащитностію города и обладая, какъ всѣ степные народы, хищническими наклонностями, самовольно ворвались въ городъ. Не найдя въ немъ поживы, татары зажгли его и бросились на предмѣстья, которыя должны были охранять отъ враговъ по царскому приказу.

Послѣ этого гроза войны удалилась на югъ отъ Могилевскаго края. Разоренные могилевцы просили царя Петра Алексѣевича о дозволѣніи строиться на прежнихъ мѣстахъ и продолжать торговлю съ Москвою. 24 марта 1709 года царь далъ могилевцамъ двѣ грамоты. Первою дарованы были имъ свобода строиться и освобожденіе отъ податей и войсковыхъ реквизицій, а второю предписано малороссійскому гетману Скоропадскому безпошлинно

пропускать могилевскихъ купцовъ во всѣ города русскіе и малороссійскіе.

Со смертью Петра Алексѣевича положеніе православныхъ могилевцевъ стало хуже: іезуиты насильно обращали въ унию жителей, захватывали монастыри и выхлопотали указъ Августа III, по которому назначеніе православныхъ священниковъ дѣлалось самимъ королемъ. Этотъ указъ могъ окончательно утвердить унию, потому что король назначалъ священниками только такихъ лицъ, которыя соглашались измѣнить православію и перейти на сторону униатовъ. Православной церкви угрожала величайшая опасность, но въ это время неустрашимымъ и ревностнымъ защитникомъ ея явился могилевскій архипастыръ Георгій Конискій, который умѣлъ поддержать бодрость въ сердцахъ своихъ единовѣрцевъ. Вступивъ въ управленіе епархіей, Георгій Конискій прежде всего устроилъ въ Могилевѣ духовныя училища и семинарію, такъ какъ враги православія начали стремиться къ тому, чтобы преградить русскому духовенству всѣ пути къ образованію. Представивъ затѣмъ о неистовствахъ латинянъ въ предѣлахъ Могилевской губ. въ свѣтѣйшій синодъ, Георгій Конискій рѣшился объѣхать свою паству и началъ объѣздъ съ Орши (1759 г.). При самомъ въѣздѣ въ этотъ городъ, толпы католическихъ миссіонеровъ, шляхтичей и солдатъ сопровождали его насмѣшками и ругательствомъ, а потомъ, когда онъ началъ, во время богослуженія, говорить народу поученія, католики ворвались въ храмъ съ оружіемъ въ рукахъ и въ шапкахъ, кричали, поносили архіерея и били народъ. Георгій укрылся въ Кутеенскомъ монастырѣ, но разъяренная толпа бросилась за нимъ въ эту обитель, желая непременно убить его. Чтобы спастись отъ неминуемой, страдальческой смерти, преосвященный приказалъ положить себя въ крестьянскую телѣгу, прикрыть навозомъ и вывезти изъ монастыря. Неоднократно и впоследствии Георгію Конискому приходилось подвергаться подобнымъ преслѣдованіямъ, но этотъ доблестный мужъ не только не падалъ духомъ, а напротивъ изумлялъ враговъ своею неустрашимостію и былъ награжденъ, наконецъ, тѣмъ, что увидѣлъ православную церковь возставшею изъ развалинъ, благодаря покровительству и защитѣ русскихъ государей. Изъ преемниковъ Петра В. Елизавета Петровна первая начала дѣятельно поддерживать своихъ единовѣрцевъ въ Рѣчи Посполитой и приказала сво-

ему намѣстнику Воейкову постоянно требовать генеральной привилегіи для огражденія православныхъ отъ насилій. Петръ III то же самое дѣлалъ. Но всѣ старанія этихъ государей не привели ни къ чему, и іезуиты, продолжая попрежнему отнимать у православныхъ церкви, составили даже планъ истребленія всего русскаго въ западной Россіи. Дѣла приняли другой оборотъ, когда на престолъ вступила Екатерина II. Въ день коронаванія этой государыни (22 сентября 1762 года) Георгій Конискій предсталъ передъ нею въ Успенскомъ соборѣ и сказалъ о положеніи своей епархіи, между прочимъ, слѣдующее: „Здѣсь (въ Россіи) свѣтильникъ вѣры, отъ дней Владиміровскихъ зажженный, блистаетъ доселѣ: у насъ свѣтильникъ оный свирѣпствующіе отъ запада вихри на многихъ мѣстахъ совсѣмъ прекратили. Здѣсь храмы Господни славословіемъ имени Его свободно гремятъ; у насъ храмы Божіи множайшіе отняты, прочіе опустошены и запечатаны, развѣ совѣ и врановъ гнѣздящихся гласы издають. Здѣсь чѣмъ кто благочестивѣе, тѣмъ и честнѣе: у насъ благочестивымъ именоваться въ стыдъ ставятъ; за благочестіе раны, узы, темницы, домовъ разореніе и нерѣдко и живота лишеніе издревле терпимъ“. Екатерина II успокоила и обнадежила Конискаго и принялась съ величайшею настойчивостью и энергіей защищать своихъ единопѣрцевъ въ Польшѣ. Накопецъ, черезъ десять лѣтъ (1772 г.), произошелъ первый раздѣлъ Польши, по которому весь Могилевскій край навсегда разстался съ Рѣчью Посполитой и воссоединился съ Россіей. Городъ Могилевъ, нѣкогда цвѣтуцій, населенный православными и украшенный множествомъ православныхъ храмовъ, возвратился теперь къ Россіи истощеннымъ и переполненнымъ иноплеменнымъ населеніемъ. Но русское правительство дѣятельно принялось устраивать присоединенный край и Могилевъ весьма скоро сдѣлался предметомъ вниманія всей Европы, хотя и на короткое время. Въ 1780 году этотъ городъ посѣтила Екатерина II назначивъ въ немъ свиданіе германскому императору Іосифу II. Для приѣма столь дорогихъ гостей сдѣланы были громадныя приготовления: выписаны были изъ Петербурга итальянская опера, придворная музыка, построены театръ и собранъ былъ корпусъ войскъ. Съѣхалось множество иностранцевъ, и Могилевъ угодовалъ, по отзыву современника, столичному городу. Встрѣча императрицы была сдѣлана самая торжественная: въ трехъ верстахъ

отъ города построены были триумфальныя ворота, между ними и городомъ поставлены войска, а по другой сторонѣ народъ и мѣщанство съ цеховыми значками. У самыхъ воротъ встрѣтилъ государыню намѣстникъ, графъ Чернышевъ, съ чиновниками и дворянствомъ верхами; у городскихъ воротъ графъ Румянцевъ-Задунайскій, свѣтлѣйшій князь Потемкинъ и всѣ генералы. Передъ каретою императрицы ѣхалъ эскадронъ кирасиръ. Въ сопровожденіи всѣхъ упомянутыхъ особъ, при громѣ пушекъ и звонѣ колоколовъ, императрица прибыла прямо къ собору, гдѣ встрѣчена была преосвященнымъ Георгіемъ Конискимъ. Приложась къ образамъ и отслуживъ благодарственный молебенъ, она отправилась въ домъ намѣстника, гдѣ имѣла свое пребываніе. Въ тотъ же день прибылъ къ обѣду императоръ германскій. Это свиданіе Екатерины II и Іосифа II, имѣвшее весьма важное политическое значеніе, ознаменовалось для Могилева заложеніемъ въ немъ храма во имя Іосифа Обручника, на построеніе котораго Екатерина II и императоръ германскій назначили значительныя суммы.

Въ дальнѣйшей своей исторической жизни Могилевъ раздѣлялъ судьбы всего Русскаго государства, и тихая, мирная жизнь его ничѣмъ особеннымъ не была нарушена, за исключеніемъ 1812 года, когда онъ находился четыре мѣсяца во власти французовъ.

